

Играют Все!

Польского поэта и писателя Яна Виктора Лесмана называли Сказочником и Учителем радости. Недаром он взял себе псевдоним Бжехва, что в переводе означает «шутник», «балагур».

Чудес, которые повидали пан Клякса и его спутники за время своих путешествий, хватило бы на несколько сказок. Возможно, секрет такой «расточительности» в том, что Бжехва, по его собственному признанию, просто сохранил детский взгляд на мир.

Интересно, что поначалу Ян Виктор видел себя серьёзным лирическим поэтом, а его родственники и вовсе советовали ему не тратить время на литературу, а выучиться на судью или адвоката. Карьера юриста Лесману действительно удалась. Он окончил юридический факультет Варшавского университета, в 1924–1939 годах был адвокатом польского Союза артистов сцены и композиторов (ZAiKS) — ассоциации по охране авторских прав и интеллектуальной собственности, а во время Второй мировой войны работал юридическим советником издательства «Читательник». И поэтический сборник — «Вымышленные лики» — Лесман тоже выпустил, в 1926 году; однако настоящего успеха он добился как автор стихов для детей и сказок про пана Кляксу. В детскую литературу Бжехва пришёл уже в довольно солидном возрасте — около сорока, но с удовольствием играл, веселился и фантазировал — а вместе с ним и его читатели.

കുട്ടിക്ക് സാ മന
ദേവ സാമരായ
പ്രാണമു മധ
യോദുരത്ന മധ

PHILIP

PHILIP

Дорога

В сказку

Иллюстрации к книге «Путешествия пана Кляксы» придумывались очень весело, потому что было лето, время путешествий и приключений. После городского заточения в каменных норках вокруг всё оживает, звенит, порхает, слепит и греет. Лес, море, лунные ночи, мир вокруг зовёт и будоражит воображение.

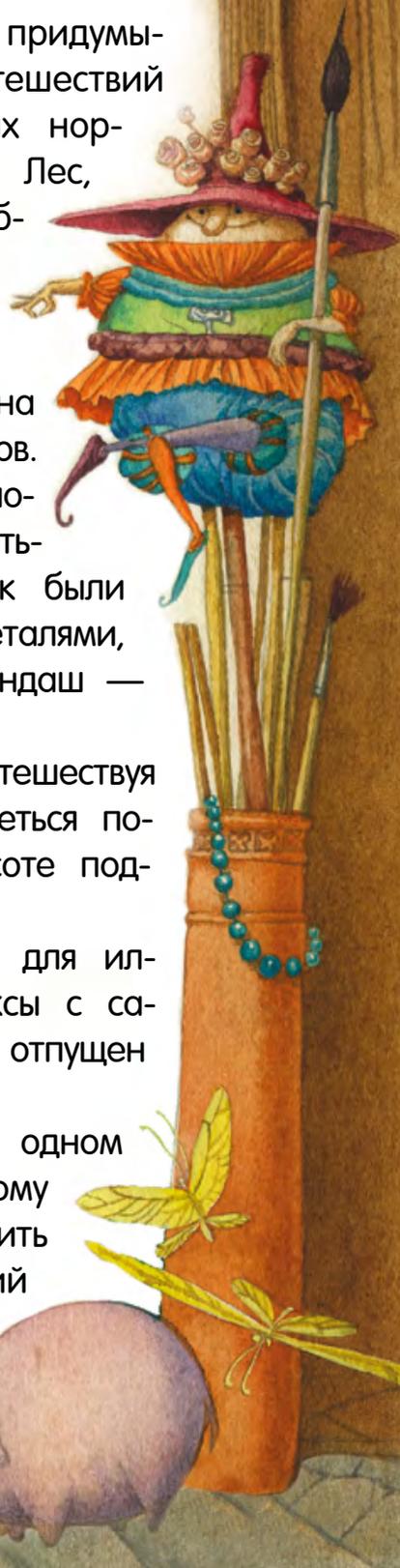
Ян Бжехва, мне кажется, придумывал эту книгу, не придерживаясь никаких правил. Писал как бог на душу положит. Он сам играл в сказку. Захотел — опустился на дно морское, захотел — поднялся на неведомый остров. С одними повоевал, с другими подружился. И такое отношение очень вдохновляет, ты тоже начинаешь проникаться духом озорства и фантазировать. Не надо думать, как были одеты или на чём передвигались герои, следить за деталями, чтобы не ошибиться с эпохой. Просто берёшь в руки карандаш — и в путь!

И, конечно, мы благодарны автору за то, что он, путешествуя по разным землям и странам, и нас подтолкнул присмотреться по-лучше ко всему вокруг и в очередной раз изумиться красоте подводных обитателей или поразительному чуду насекомых.

Кузнечик, пойманный в лугах, стойко позировал нам для иллюстрации, изображающей эпическое сражение пана Кляксы с саранчой, жил с нами несколько дней, а потом был отпущен на свободу.

В какой-то момент мы не выдержали сидения на одном месте и сами поехали в небольшое путешествие. Потому что только в путешествии можно по-настоящему заметить все чудеса мира. Вернулись полные впечатлений и с новыми силами продолжили рисовать.

*Д. Упомянувший,
О. Попраева*

Мифодокция

Дело было давным-давно, когда чернила были белыми-белыми, а мел — чёрным. Да-да, дорогие мои, мел был тогда совершенно чёрным. Нетрудно себе представить, сколько из-за этого возникало недоразумений. Писали белыми чернилами на белой бумаге и чёрным мелом на чёрной доске. Да-да, мои дорогие, сами понимаете, что буквы при этом были полностью, абсолютно невидимыми. Когда ученик делал домашнее задание, учитель не знал, выполнил тот его в тетради или нет. Ученики писали разную чепуху, а проверить их никто не мог. Письма в те времена тоже нельзя было прочитать, поэтому редко кто их писал. Чиновники в ведомствах исписывали толстые журналы, но искать в них следы цифр или букв было совершенно бесполезно. Они тоже были невидимыми. И если бы не старинная привычка ведения журналов, эту кропотливую и ненужную работу давно перестали бы выполнять.

Люди подписывались под разными бумагами и документами, хотя прекрасно знали, что никто, включая их самих, подписей этих никогда не разберёт и даже самые изысканные завитушки пропадут зря. Но поскольку с незапамятных времён подписи доставляли людям огромное удовольствие, они не обращали внимания на то, что белые чернила не видны на белой бумаге. Да-да, мои дорогие, никто совершенно не расстраивался из-за такого плачевного положения дел. И неизвестно, сколько бы ещё это продолжалось, если бы не пан Амброзий Клякса.

Этот знаменитый мудрец, чудаков и путешественник, ученик великого доктора Пай Хи-во, основатель известной Академии, в один прекрасный день совершенно случайно оказался в каком-то порту Байканского полуострова.

После долгих странствий пан Клякса добрался до Мифодокки, обширной и богатой страны на западном побережье полуострова. Мягкий характер и гостеприимство мифодокийцев, их любовь к сказкам и легендам, доблесть мужчин и красота мифодокийских

девушек так впечатлили учёного, что он решил поближе познакомиться с языком, жизнью и обычаями этого народа.

Пан Клякса поселился в столице государства, Легендаве, расположенной у подножия горы под названием Сказбек. Большинство жителей Легендавы занимались цветоводством, поэтому город утопал в зелени и напоминал волшебный сад. Парки, оранжереи и клумбы были усеяны цветами неизвестных и невиданных сортов.

Воздух в Легендаве, наполненный ароматом роз, левкоев, жасмина и резеды, опьянял её жителей — видимо, этим объяснялась их чрезвычайная любовь к сочинению сказок. На аллеях и в парках сказочники, одетые в разноцветные наряды и увенчанные цветами, рассказывали такие невероятные сказки, что ни один слушатель не смог бы их повторить.

Язык мифодокийцев походил на другие языки, с той лишь разницей, что они не использовали гласную «у». Да-да, мои дорогие, буква «у» была им совершенно незнакома. Поэтому слово «муха» по-мифодокийски звучало как «мха», «ухо» было «хо», «утка» — «тка», «кура» — «кра» и так далее. Пан Клякса быстро понял эту особенность мифодокийского языка и уже через несколько дней свободно на нём разговаривал.

Жители Легендавы селились в маленьких двухэтажных домиках, утопающих в зелени и цветах, к которым слеталось множество бабочек, так что всё вокруг становилось ещё ярче и красочнее.

Птицы пели там с раннего утра до позднего вечера почти круглый год, потому что осень и зима в Мифодокии были очень короткие: всего один месяц, пять дней и два часа.

Раз в двадцать лет проводился съезд всех сказочников Мифодокии, на котором выбирали Великого Сказочника. Как можно догадаться, им становился автор самой красивой сказки. Прибывшие на съезд разбивали палатки в Долине тюльпанов — их аромат, тонкий и нежный, не так дурманит, как запах других цветов. Каждый по очереди поднимался на башню, построенную в центре долины, и рассказывал по одной сказке. Чтобы все собравшиеся их услышали, сказочникам приходилось говорить очень громко, и потому всё это время они для укрепления голосовых связок питались только мёдом и тутовым соком. Рассказчики слушали друг друга с неослабевающим вниманием, ведь для мифодокийцев на всём свете не было ничего интереснее сказок.

Да-да, мои дорогие, сказки были для них самым важным. А поскольку в Мифодокии жило очень, очень много сказочников, это действие продолжалось с утра до вечера два, а то и три месяца подряд. Но такой съезд созывался раз в двадцать лет, поэтому слушатели запасались терпением, никто не нарушал тишину, даже чихали редко, разве что уж совсем не могли сдержаться.

Каждый присутствующий получал маленький шарик из слоновой кости, который отдавал автору самой лучшей, по его мнению, сказки. Тот, кто собирал больше всего шариков, становился Великим Сказочником. Ему вручали огромное золотое перо — знак высшей власти в Мифодокии — и под звуки торжественной музыки вели в мраморный дворец, возвышавшийся на вершине Сказбека. Там Великий Сказочник усаживался на трон из сандалового дерева, украшенный изысканной резьбой, и с этого момента становился главой мифодокийского государства на двадцать следующих лет, управляя страной при помощи других выдающихся сказочников — так называемых сказителей, или советников.

Весь народ уважал Великого Сказочника и беспрекословно подчинялся ему. Лучшие садоводы посылали ему цветы редких сортов и самый ароматный мёд с пасек. На газонах вокруг

дворца юные мифодокийские танцовщицы, порхая точно бабочки, разыгрывали великолепные представления; лучшие музыканты, укрывшись в тени деревьев, на байдолинах — инструментах с одной серебряной струной — имитировали шум ветра, журчание потока, звук птичьих крыльев, шелест листьев и жужжание пчёл. Каждый как мог старался усладить и украсить жизнь Великого Сказочника, чтобы его не покидало вдохновение.

Но сказки — главное богатство мифодокийского народа — исчезали бесследно, не переданные не только другим народам, но даже потомкам в собственной стране. Ведь никто не мог запомнить столько новых сказок, а как записать их на бумаге, если чернила белые, никто не знал.

Да-да, мои дорогие, в те времена чёрные чернила были ещё неизвестны.

Один из мифодокийских учёных трудился много лет и придумал такой способ завязывания узелков, что они соответствовали буквам и предложениям.

Тогда сказочники стали этим невероятно сложным способом сохранять свои произведения с помощью верёвок, а специально обученные девушки читали сказки, перебирая узелки.

Вскоре появилось множество библиотек, где на полках хранились мотки верёвок с разными заковырыстыми узелками почти так же, как сейчас хранятся книги. Тысячи мифодокийских сказок записали таким образом, доводя до совершенства искусство завязывания узелков.

Но случилось несчастье, которого даже мифодокийские мудрецы не могли предвидеть. Однажды, под конец лета, откуда ни возьмись появилось насекомое во много раз меньше комара, так называемый узелочник, питающийся исключительно узелками. Он размножался с невероятной скоростью. Уже через несколько часов тучи малюсеньких, почти невидимых вредителей проникли во все библиотеки и, прежде чем удалось принять хоть какие-то меры, сожрали все узелки — сокровищницу мифодокийского сказительства.

Когда потрясённый Великий Сказочник прибыл со своими сказителями в национальную библиотеку Легендавы, то увидел там лишь горы пыли и кучи малюсеньких мушек, раздувшихся от обжорства.

Великий Сказочник сел на свой трон, глубоко задумался и целую неделю не занимался государственными делами, а сказители

тщетно старались вспомнить сказки своего правителя, съеденные узелочниками. Потом все окна мраморного дворца закрылись, и долгие месяцы продолжался национальный траур.

Но в конце концов мифодокийцы оправились от ужасной потери и вернулись к своим привычным занятиям, а учёные начали искать новые способы записи сочинений.

Но и эти попытки оказались неудачными. Никто не мог придумать, как сделать жизнь сказок длиннее жизни мотыльков, порхающих над цветниками Легендавы.

Происходило это во времена правления Великого Сказочника по имени Аполлинарий Воркн, что по-русски следует читать как Аполлинарий Воркун. Он снискал славу величайшего сказочника в истории Мифодокии, и народ почитал его больше, чем всех его предшественников.

Это был претолстенский господин лет пятидесяти; коротенькие его ножки, когда он сидел на своём троне из сандалового дерева, не доставали до земли. Он отличался необычайным добродушием и спокойным нравом. Лицо у него было круглое, без бороды и усов, голова лысая, с венчиком седеющих волос, глазки маленькие, всегда смеющиеся, а нос похож на красную редиску, оставшуюся на тарелке только потому, что оказалась последней.

Раз в неделю Великий Сказочник выходил на балкон мраморного дворца и рассказывал свою новую сказку. Множество народу собиралось в саду внизу, чтобы её послушать. Но истории эти были слишком волшебные, чтобы кто-нибудь мог их запомнить.

Да-да, мои дорогие, это были очень странные и необычные сказки. Поэтому население Мифодокии и не могло смириться с тем, что они исчезают сразу после рассказывания, неведомые жителям других городов и стран.

Но в один прекрасный день в мраморный дворец на горе Сказбек явился некий чужеземец и заявил, что желает говорить с Великим Сказочником.

Когда его привели в зал, где на троне сандалового дерева сидел Великий Сказочник Аполлинарий Воркун, болтая в воздухе короткими ножками, пришелец склонил голову перед величием его таланта и сказал:

— Я много путешествовал, многое повидал, а знаю ещё больше. Я не раз слышал сказки Вашего Сказительского Величества и вместе

со всем мифодокийским народом переживаю из-за того, что их нельзя записать и передать, чтобы вдохновенное творчество Вашего Сказительского Величества стало достоянием всего мира. Если мне будет позволено предложить свои услуги, а Вашему Сказительскому Величеству будет угодно ими воспользоваться, то я возьмусь ещё до конца этого года раздобыть краситель, который сделает чернила чёрными.

Великий Сказочник широко раскрыл глаза и рот, а незнакомец продолжал:

— Мне известны пути, ведущие к месторождениям бесценных веществ чёрного и белого цвета, и самое позднее через год я могу вернуться в Мифодокию с таким количеством этих красителей, что хватит на всех сказочников страны.

Великий Сказочник от избытка чувств покраснел, а потом побледнел. Наконец он взял себя в руки и спросил:

— Чего же ты хочешь взамен, именитый чужеземец?

Но чужеземец снисходительно улыбнулся и с присущим ему достоинством произнёс:

— Вознаграждение привлекает охотников за наживой да бродяг. Мы, учёные, работаем только на благо человечества. Я прошу Ваше Сказительское Величество отдать в моё распоряжение один из ваших кораблей, опытного капитана и тридцать человек команды. Это всё. Остальное доверьте моей смекалке, знаниям и опыту. Я верю, что смогу сдержать обещание.

Великий Сказочник ещё раз покраснел и побледнел от избытка чувств, соскочил со своего резного трона, обнял незнакомца и восторженно воскликнул:

— Чёрные чернила! Настоящие чёрные чернила! Благородный иностранец, скажи мне, как тебя зовут, чтобы я мог поведать о тебе моему народу!

Незнакомец одёрнул сюртук, расчесал пятернёй свою шевелюру, кашлянул и представился:

— С этого мне следовало начать. Я Амброзий Клякса, доктор философии, химии и медицины, ученик и ассистент знаменитого доктора Пай Хи-во, профессор математики и астрономии университета Саламанки.

После этих слов он выпрямился и встал с гордо поднятой головой, поглаживая бороду левой рукой.

— Я сегодня же отдам все необходимые распоряжения, а завтра лично прослежу за их выполнением в порту, — ответил Великий Сказочник со слезами на глазах.

Назавтра около часа дня из порта Легендавы вышло новёхонькое, прекрасно оснащённое трёхмачтовое судно «Аполлинарий Воркн».

В порту стоял Великий Сказочник и троекратным салютом из пятнадцати мортир провожал пана Кляксу, отправлявшегося в необычное и полное приключений путешествие.

Да-да, дорогие мои, смотрите: вон та маленькая, уже еле заметная чёрная точка на вершине грот-мачты — это Амброзий Клякса.

Пожелаем славному путешественнику попутного ветра и спокойного моря.

